

Ангелы страшатся

Автор:

Грегори Бейтсон

Ангелы страшатся

Грегори Бейтсон

Мэри Кэтерин Бейтсон

Философия – Neoclassic

Грегори Бейтсон (1904–1980) – выдающийся мыслитель XX века, англо-американский антрополог, кибернетик, системный теоретик, эколог и эволюционист. Его ранние антропологические исследования вошли в золотой фонд мировой антропологии.

Вторую половину жизни Бейтсон посвятил широкомасштабной задаче ревизии и модификации фундаментальных основ гуманитарного знания в свете современных положений кибернетики и теории систем. Наиболее известным широкой публике результатом этих усилий стала концепция «даблбайнда», возникшая в результате привнесения коммуникативно-кибернетических подходов в психиатрию и способствовавшая пониманию природы шизофрении. Помимо этого Бейтсон занимался теорией биологической коммуникации, общей теорией обучения и ее применением к обучению дельфинов, общей теорией эволюции и ее частными разделами – например, эволюцией эмбриогенеза.

В своей последней работе «Ангелы страшатся» Грегори Бейтсон сделал попытку осветить ряд вопросов, к которым долго не решался подойти: природа сознания, неоднозначная роль сознания в существовании биологического организма и влияние эстетического фактора на процесс естественного отбора.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Грегори Бейтсон, Мэри Кэтрин Бейтсон

Ангелы страшатся

Эта книга посвящается

Лоис Бейтсон

и

Баркеву Касарьяну,

без которых мы с отцом не стали бы тем, кто мы есть

Предисловие переводчика

ГРЕГОРИ БЕЙТСОН, сын выдающегося британского биолога и пионера генетики Уильяма Бейтсона, родился в 1904 году. Отказавшись, вопреки давлению со стороны семьи, пойти по стопам своего отца, он получил ученую степень не по естественным наукам, а по антропологии и покинул Англию ради полевой работы в Новой Гвинее. Во время своей второй поездки туда в 1936 году он встретил американского антрополога Маргарет Мид, на которой впоследствии женился. Их единственная дочь Мэри Кэтрин Бейтсон также стала антропологом.

После Второй мировой войны Бейтсон переехал в США. Там он прочитал цикл лекций по антропологии в Гарвардском университете (1947); затем получил место научного сотрудника в Институте нейropsychиатрии Лэнгли Портера в Сан-Франциско; работал в качестве этнолога в госпитале Управления по делам ветеранов в Пало-Альто (1953–1963), где вместе с другими участниками «проекта Пало-Альто» (Дон Д. Джексон, Джей Хейли, Джон Уикленд, Милтон Эриксон) изучал возможность применения «теории даблбайнда» [1 - Даблбайнд (double bind) – наиболее известное терминологическое нововведение Г. Бейтсона, давно превратившееся в международный термин, не нуждающийся

в переводе. Например, в популярной в нашей стране книге Делёза и Гваттари «Анти-Эдип» (фр. изд.: 1972; рус. изд.: У-Фактория, Екатеринбург, 2008, перевод с французского Д. Кралечкина) выражение «double bind» встречается более десяти раз. Нередко можно встретить выражение «double bind» и в текстах известного кибернетически ориентированного социолога Никласа Лумана, пишущего по-немецки. В России (как и во Франции) какое-то время предпринимались попытки найти национальный эквивалент этого термина, представляющего из себя труднопереводимую игру слов. Так, у нас предлагались варианты «двойная связь», «двойной захват», «двойной тупик», «двойное послание» и т. п. В конечном счете все эти варианты были признаны неадекватными и стала ясна необходимость пойти по общеевропейскому пути: принять выражение «даблбайнд» в русский язык как международный термин. Термин «даблбайнд» возник в теории коммуникации под влиянием «теории логических типов» Б. Рассела. Применительно к шизофрении Бейтсон и коллеги обозначали им коммуникативную ситуацию с неясной логической типизацией, когда «жертва даблбайнда» не может ни внести ясность в ситуацию, ни вырваться из нее. Более подробное обсуждение вопроса можно найти по ссылке: <https://double-bind.livejournal.com/19716.html>.]» (double bind theory) к проблеме шизофрении. В целом в этот период Бейтсон привнес в психиатрию общий системно-кибернетический подход, что в дальнейшем нашло выражение в «теории семейного гомеостаза» Дона Д. Джексона и «терапии контрпарадоксом» Мары Сельвини Палаццоли.

Далее Бейтсон работал с дельфинами в Океанографическом институте на Гавайях и преподавал в Университете штата Гавайи. В 1972 году он начал преподавать в Университете Санта-Круз, Калифорния. Автор книг «Шаги в направлении экологии разума» (Bateson, 1972), «Разум и природа» (Bateson, 1979), «Священное единство» (Bateson, 1991), а также соавтор книги «Коммуникация: Социальная матрица психиатрии» (Bateson, Ruesh, 1951), Грегори Бейтсон оказал заметное влияние на целое поколение специалистов в области общественных наук, включая британского психиатра Рональда Лэйнга (Laing).

* * *

Непростые и даже трагические обстоятельства появления книги «Ангелы страшатся» достаточно подробно описаны Мэри Кэтрин Бейтсон в ее введении к книге, и здесь нет смысла повторяться. Здесь мы лишь еще раз обратим внимание на то, что «Ангелы» – это фактически продолжение предыдущей книги

Бейтсона «Разум и природа: Неизбежное единство». Находясь в последний период своей жизни под дамокловым мечом неотвратимой смерти, Бейтсон счел разумным и правильным оформить и передать в печать первую часть своей работы. Так появилась книга «Разум и природа» (1979). Однако в ней было сказано далеко не все, над чем Бейтсон напряженно размышлял в этот последний период. Воспользовавшись ремиссией болезни, он без промедления начал писать следующую книгу, которую уже закончить не успел. Через шесть лет после смерти Бейтсона книгу завершила его дочь.

В тексте «Ангелов» читатель встретит многочисленные отсылки к книге «Разум и природа», а некоторые главы, например Глава 4, непосредственно продолжают обсуждение вопросов, поставленных в ней. Из этого, конечно, не следует, что «Ангелов» нельзя читать как самостоятельное произведение, однако читателю, желающему глубже понять поставленные вопросы, можно рекомендовать ознакомиться также и с книгой «Разум и природа».

* * *

Необходимо коснуться еще одного вопроса. Дело в том, что мировая известность Бейтсона соседствует с представлением о нем как о фигуре из мира контркультуры и нью-эйджа. Именно так его образ подают такие известные в нашей стране авторы, как Станислав Гроф, Фритьоф Капра, Роджер Энтони Уилсон, и некоторые другие. Хотя это представление является ошибочным по сути дела, надо признать, что некоторые поверхностные основания для такой трактовки есть. Бейтсон действительно провел остаток жизни в Эсалене, этом мировом центре нью-эйджа, где он и встречался с Грофом, Капррой, многими другими эзотериками и кудесниками той поры большего или меньшего калибра.

Тем не менее что бы нам ни рассказывали Гроф и Капра, не лучше ли послушать самого Бейтсона, тем более что его отношение к сфере эзотерики и паранормального обсуждается в Главе 5. Его оценки верований, распространенных в мире контркультуры, находятся в диапазоне «суеверие – полное слабоумие», в чем читатель может убедиться лично.

Правда и то, что в этот период Бейтсон неоднократно выступал с лекциями в различных калифорнийских «ашрамах». Но, во-первых, как откровенно рассказывает М. К. Бейтсон, в конце жизни он был стеснен в средствах, а за эти

выступления ему что-то платили, а во-вторых, он там все же не «Харе Кришна» распевал, а рассказывал про кибернетику и теорию эволюции. Некоторые из этих лекций были опубликованы и впоследствии вошли в сборник «Священное единство». Помимо этого надо понимать, что Бейтсон с его большим антропологическим опытом и близким знакомством как с традиционными азиатскими религиями, так и с экзотическими культами (например, с балийскими трансовыми ритуалами) вряд ли мог всерьез воспринимать самодельные калифорнийские версии индуизма, буддизма или дзена.

Представляется важным и то (и об этом говорит сам Бейтсон в книге «Разум и природа»), что, даже проживая в США, он оставался англичанином до мозга костей, чем, кстати, объясняются отдельные (взаимно) саркастические интонации в их разговорах с дочерью, уже стопроцентной американкой, причем левой ориентации. В частности, Бейтсон был иммунен к уже начинавшейся в США эпидемии идеализации всевозможной архаики, в чем-то напоминающей наше русское народничество второй половины XIX века. Бейтсон, например, был противником поставок дарового продовольствия в хронически голодающие страны Африки и не был склонен впадать в слабоумный восторг перед очередным сомнительным «гуру» просто потому, что тот прибыл из страны третьего мира («из народной глубинки»).

Однако, как говорит нам сам Бейтсон, полностью изолироваться от влияния окружающей среды невозможно; вероятно, именно этим можно объяснить некоторые его странные идеи, например (Гл. 4), о «памяти металлической пластины» и «резонансных голографических паттернах в мозге». К счастью, таких мест немного.

Кстати, не надо думать, что тогдашнее массовое помешательство на эзотерике и паранормальных явлениях затрагивало лишь калифорнийских хиппи, НЛО-фриков и последователей различных «гуру» и Карлоса Кастанеды. В тот период частыми гостями Эсалена бывали многие стэнфордские физики, включая нобелевского лауреата Ричарда Фейнмана, который к тому же был близким другом известного американского неогуру Вернера Эрхарда. И уж совсем не хиппи запустили тогда проект «Старгейт», исследовавший возможность военного применения экстрасенсорного «дальновидения» и «психокинеза». Проект финансировали Пентагон и ЦРУ, а руководил им стэнфордский физик-ядерщик Эдвин Мэй. Впоследствии слухи об этом проекте были пародийно переосмыслены в голливудском фильме «The Men who Stare at Goats» (в России выходил под названием «Безумный спецназ»).

* * *

Чтобы подвести черту под темой «Бейтсон и Эсален», скажем следующее: честь и хвала главе Эсалена Майклу Мэрфи, предоставившему смертельно больному Бейтсону последнее пристанище. Вполне можно допустить, что именно райские природные условия этого уникального уголка тихоокеанского побережья Калифорнии продлили ремиссию его рака и подарили еще почти два года жизни. Люди, окружавшие там Бейтсона, относились к нему с теплотой и симпатией, и он, конечно же, отвечал им тем же. Однако – и об этом ясно говорит М. К. Бейтсон – Бейтсон совершенно не был их единомышленником, что бы по этому поводу ни говорили Гроф и Капра.

Желанию Бейтсона интеллектуально дистанцироваться от эсаленского окружения также могло очень способствовать то обстоятельство, что Эсален, и без того являвшийся мировым центром нью-эйджа, именно в конце 1970-х достиг апофеоза безумия, о чем сейчас в самом Эсалене стараются не вспоминать. Протеже Вернера Эрхарда, мошенница Дженни О'Коннер, заявлявшая, что имеет «канал телепатической связи с группой девяти бестелесных инопланетян», словно Распутин, полностью подчинила себе руководство Эсалена и более года от имени «Девяти» фактически заправляла всеми делами (именно по «приказу Девяти» Майкл Мэрфи в 1980 г. приезжал в Москву).

Очень характерный представитель той среды, стэнфордский физик Джек Сарфатти, забросивший нормальную науку ради «квантовой каббалистики», написал эссе «В гуще событий», живописующее обстановку той поры как в самом Эсалене, так и вокруг него (Sarfatti J. In the thick of it). Право, на фоне того безумного винегрета из обрывков первобытно-магических представлений, средневекового оккультизма, заплесневелого витализма в духе XIX века, превратно истолкованных положений как современной физики, так и традиционных восточных религий и т. д. и т. п., который и называется нью-эйдж, Бейтсон смотрится прямо-таки столпом рациональности и здравомыслия!

* * *

Все главы помечены как (ГБ) или (МКБ), что, согласно указаниям М. К. Бейтсон, следует понимать как «написаны преимущественно Грегори Бейтсоном» и

«написаны преимущественно М. К. Бейтсон». Редакторские вставки и небольшие комментарии М. К. Бейтсон в главах, принадлежащих преимущественно Грегори Бейтсону, в английском оригинале взяты в квадратные скобки. Для большей ясности в русском издании они не только взяты в квадратные скобки, но и оформлены иным шрифтом. Сноски, помеченные «Примеч. пер.», принадлежат переводчику, помеченные «Примеч. МКБ» – М. К. Бейтсон, без пометок – Грегори Бейтсону.

Перевод стихотворных фрагментов (кроме тех случаев, где переводчик указан особо) выполнен Д. Я. Федотовым. Цитаты из Библии даны по русскому Синодальному изданию.

Различные числовые данные, приводимые автором в фунтах, футах, милях, градусах Фаренгейта и т. д., преобразованы в соответствующие метрические величины.

Д. Я. Федотов,

Москва 2017–2019

Отец твой спит на дне морском.

Кораллом стали кости в нем.

Два перла там, где взор сиял.

Он не исчез и не пропал,

Но пышно, чудно превращен

В сокровища морские он.

Вот похоронный слышен звон.

Динь-дон! Динь-дон!

Звонят наяды: Динь-динь-дон!

Шекспир, Буря[2 - Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник. Вильям Шекспир. Избранные произведения. М.; Л., 1950. В оригинале: Full fathom five thy father lies; Of his bones are coral made; Those are pearls that were his eyes: Nothing of him

that doth fade, But doth suffer a sea-change
Into something rich and strange. Sea-nymphs
hourly ring his knell: Ding-dong. Hark! now I hear them, – Ding-dong, bell.]

Выражения признательности

Шесть лет назад я взялась завершить книгу, над которой мой отец работал перед смертью. За это время случилось многое. В первую очередь я должна поблагодарить тех, кто терпеливо ждал появления книги, воздерживаясь от проявления беспокойства. Это вдова моего отца Лоис Бейтсон, другие члены семьи, издатель, а также общие друзья и коллеги, не подгонявшие меня в ходе работы над книгой.

Появлению этой книги способствовал ряд организаций, предоставлявших Грегори условия для работы и размышлений: это Эсаленский институт, пансион «Камальдолезе» (Camaldolese, Биг Сюр, Калифорния), Дзен-центр Сан-Франциско, ассоциация Линдисфарн. Институт межкультурных исследований, являющийся официальным обладателем прав на литературное наследие моего отца, предоставил мне компьютер, на котором был подготовлен текст. Колледж Амхерста помог тем, что разрешил мне перейти во внештатные сотрудники. Это создало необходимую дистанцию между мной и этой организацией и позволило сосредоточиться на работе и творчестве.

У этой книги тот же коммерческий агент – Джон Брокман, и тот же редактор – Уильям Уайтхед, которые поверили в нее еще на том этапе, когда она только замышлялась. Они помогли книге пережить смену как автора, так и издателя. Важную роль сыграли Лоис Бейтсон, мой сводный брат Джон Бейтсон (у него дома в Канаде были написаны несколько глав), а также Джозеф и Джейн Уилрайт. Мне помогли полезные советы Родни Доналдсона, Ричарда Голдсби, Джина Хьюстона, Дэвида Зофилда, Уильяма Ирвина Томпсона и Франциско Варелы, каждый из которых помог либо что-то изменить, либо воздержаться от изменений. Большая часть книги была написана в Кембридже, штат Массачусетс, где меня поддерживал, ободрял и критиковал мой муж Баркев Касарьян. Я также многим обязана обществу большого прелестного щенка японского шпица, который без устали напоминал мне, что эпистемология – это, несомненно, вопрос отношений, и утешал меня в борьбе с компьютером.

Мэри Кэтрин Бейтсон

Кембридж, Массачусетс

Август 1986

1/1. Контекст появления данной книги (МКБ)

В 1978 году мой отец Грегори Бейтсон завершил книгу, названную им «Разум и природа: Неизбежное единство» (издана в 1979 г.). Ввиду неотвратимо надвигающейся смерти от рака он вызвал меня из Тегерана в Калифорнию для совместной работы. Как только выяснилось, что его рак временно отступил, он начал работать над новой книгой, которую собирался назвать «Куда страшатся вступать и ангелы» и которую часто называл просто «Ангелы страшатся»[3 - Парафраз английского афоризма «Fools rush in where angels fear to tread», то есть «Дураки очертя голову бросаются туда, куда страшатся вступать и ангелы». - Примеч. пер.]. В июне 1980 года его здоровье опять ухудшилось, и он предложил мне принять участие в работе над новой книгой уже в качестве соавтора. Я отправилась в Эсален, где он тогда жил. Он умер 4 июля 1980 года, и мы не успели совместно поработать над книгой. После его смерти я не трогала рукопись, поскольку у меня на тот момент были другие обязательства, в том числе работа над книгой «Глазами дочери» (Bateson M. C., 1984). Когда я наконец взялась за стопу рукописных материалов, оставшихся после смерти Грегори, разнородных, разрозненных и незавершенных, я попыталась отнестись к этому как к тому соавторству, о котором он говорил.

Я не чувствовала необходимости спешить с этой работой. Мне казалось важным отнестись с уважением к предупреждению, скрытому в названии, данном Грегори: не бросаться в работу очертя голову, подобно дураку. Книга «Разум и природа», содержащая подлинный синтез всей работы Грегори, была первой его книгой, написанной для читателя-непрофессионала. В книге «Шаги в направлении экологии разума» (Bateson, 1972) собраны лучшие научные статьи Грегори, написанные для профессионалов в самых разных областях. Они были опубликованы в самых разных обстоятельствах по мере того, как у Грегори росло осознание потенциала интегративного подхода. Появление «Шагов» также продемонстрировало существование аудитории, готовой принять работу Грегори в качестве образа мысли, несмотря на историческое разнообразие

контекстов, в которых его идеи первоначально формулировались. Это подвигло его к дальнейшему синтезу и дальнейшим усилиям по донесению своих взглядов до читателя.

Книга «Куда страшатся вступать и ангелы» должна была быть другой. Грегори постепенно осознал, что единство природы, которое он отстаивал в «Разуме и природе», может быть понято только посредством метафор, знакомых нам из религии. Фактически он приближался к тому интегративному уровню опыта, который назвал священное. К этому вопросу он приближался с большим трепетом, отчасти потому, что вырос в догматично атеистической семье, и отчасти потому, что видел в религии возможности для манипулирования, мракобесия и разделения. Даже само слово религия способно инициировать рефлекторное недопонимание. Таким образом, название этой книги, помимо всего прочего, отражает его сомнения и его настрой в подходе к новым вопросам; вопросам, вытекающим из его предшествующей работы, однако требующим нового вида мудрости и нового вида мужества. Я испытываю тот же трепет. Эта незавершенная работа подобна завещанию, однако она возлагает задачу не только на меня, но и на всех тех, кто готов бороться с подобными вопросами.

При подготовке этой книги мне приходилось принимать во внимание различные традиции обращения с рукописью, оставшейся незавершенной после смерти автора. Самая очевидная из них, принятая в академических кругах, состояла в том, чтобы тщательно разделить наши голоса при помощи сносок или скобок при любых моих редакторских изменениях и пометки «sic» там, где я воздерживаюсь от таковых, хотя считаю, что они нужны. Однако, памятуя о том, что желанием Грегори была совместная работа над рукописью, я решила не ограничиваться ролью отстраненного редактора и по мере необходимости вносила исправления и небольшие изменения. Исходная рукопись, разумеется, сохранится, поэтому если кто-то когда-то решит, что дело того стоит, он сможет написать исследование о расхождениях в рукописи и в опубликованном тексте, представляющем собой нашу совместную работу. Я же ограничу свою добросовестность сохранением оригиналов. После некоторых колебаний я решила не включать приложение с обширными выдержками из других работ Грегори, которые он наметил для возможного использования в этой книге. Вместо этого я выбрала самое ценное, как это сделал бы сам Грегори. Однако я часто сохраняла материалы, частично дублирующие ранее опубликованные, в силу их важности для общей аргументации.

С другой стороны, там, где мои добавления или разночтения были существенными, я не могла просто внести их, поскольку читатель мог бы ошибочно принять их за собственные мысли Грегори. Это означало бы возврат к роли личного секретаря, пишущего под диктовку, как это веками делали жены и дочери. Я оказалась в этой роли при написании «Разума и природы», и тогда мой вклад слился с работой отца. Создание данной книги само было экологической и эпистемологической проблемой, поскольку мысли Грегори были встроены в характерный паттерн отношений и бесед.

Поэтому мне показалось важным, чтобы там, где я делаю существенные дополнения, правильные или нет, было ясно обозначено мое авторство. Это было сделано отчасти в форме вставок, взятых в квадратные скобки, и отчасти в форме «металогов», как именовал их Грегори. В течение почти сорока лет Грегори использовал разработанную им форму диалога «отца» и «дочери», задающей вечный вопрос «Папа, а почему?..» Вопросы и замечания вымышленной дочери помогали ему формулировать собственные мысли. В течение почти двадцати лет мы фактически работали вместе, иногда над письменными текстами, иногда в ходе публичных дискуссий или дискуссий в рамках конференций, а иногда за массивным дубовым столом в доме Бейтсонов, в спорах приближаясь к ясности. Созданный им вымышленный персонаж, первоначально содержащий лишь фрагменты наших отношений, рос и становился все менее вымышленным в двух отношениях: «дочь» все больше напоминала меня, а я перенимала ее стиль взаимодействия с Грегори.

Этот процесс был постепенным. Дилемма, с которой я столкнулась, решая, что делать с материалами, оставленными Грегори, отчасти состояла в том, что он никогда не соотносил своего творчества со мной. Он приписывал слова персонажу по имени «дочь», слова иногда подлинные, а иногда вымышленные, иногда правдоподобные, а иногда совершенно противоречащие всему, что я вообще могла сказать. Теперь мне нужно было работать с его незавершенной рукописью, руководствуясь своим собственным опытом работы с ним и моим пониманием вопроса. Высказывания, принадлежащие в моих металогах «отцу», Грегори иногда делал в других обстоятельствах, например, это были его любимые истории. Однако они никогда не произносились в ходе бесед, как это представлено здесь. Они настолько же реальны и настолько же вымышлены, как и собственные металогии Грегори. Как и Грегори, я нахожу эту форму достаточно полезной и достаточно гибкой, чтобы не слишком строго соблюдать то его исходное требование, что каждый металог своей формой должен иллюстрировать собственный предмет. Однако, в отличие от его металогов, металогии данной книги не задуманы как самостоятельные эссе. Тем не менее

важно подчеркнуть, что отношения отец – дочь остаются весьма точным средством передачи того, что хотел сказать Грегори, поскольку напоминают нам, что беседа постоянно движется между интеллектом и эмоциями, всегда имеет дело с отношениями и коммуникацией как внутри, так и между системами. Что еще важнее, металогии содержат комментарии и вопросы, которые я бы подняла, если бы мы работали над этой рукописью вместе. А также то, что, по моему мнению, Грегори ответил бы. В металогиях, находящихся ближе к концу книги, я позволила себе выйти из детской роли и стала говорить как взрослый человек. Все главы книги имеют метки «ГБ» или «МКБ», однако это нужно понимать очень условно, скорее как «в основном ГБ» или «в основном МКБ».

Наверху стопы материалов, которые Грегори собрал для этой книги, находился один из нескольких набросков введения, начинавшийся со следующей истории:

В Англии моего детства все поезда, пришедшие с длительного перегона, проверял человек с молотком. У молотка была очень маленькая головка и очень длинная рукоятка. Он напоминал скорее барабанную палочку и действительно предназначался для извлечения чего-то вроде музыки. Человек шел вдоль всего поезда, постукивая по каждой колесной буксе. Он проверял, нет ли в какой-нибудь из них трещин, что проявилось бы в диссонантном звуке[4 - Примерно тем же способом проверяется при продаже дорогая посуда. – Примеч. пер.]. Можно сказать, что проверке вновь и вновь подвергалась целостность. Сходным образом я попытался простукать каждую фразу в этой книге, проверяя ее на целостность. Часто проще услышать диссонантное звучание ложного сопоставления, чем сформулировать искомую гармонию.

Мне остается надеяться, что, набрасывая введение, Грегори говорил о том, что он уже действительно сделал, а не о том, что лишь стремился сделать. Грегори работал, сам не зная, сколько времени у него осталось, сколько времени его рак будет в ремиссии. Он жил в Эсалене, в среде, предоставлявшей ему теплую дружескую поддержку, однако не интеллектуальное сотрудничество. Хотя к началу 1980-х интерес к контркультуре уже пошел на спад, периодические критические высказывания Грегори в ее адрес подчеркивают, сколь чужд ему был изменчивый состав и интересы обитателей Эсалена. Задачей Грегори всегда было приведение идей и слов в правильный порядок, однако его образ жизни в тот последний период без прочной основы или постоянного источника дохода

требовал, как говорится, «петь, чтобы заработать на ужин». Поэтому он продолжал писать, повторяя и комбинируя различные фрагменты своих мыслей, однако без того выстраивания или интеграции, в которых они нуждались. Это также значило, что Грегори, всегда читавший умеренно, был более чем когда-либо раньше отрезан от современной научной мысли. Огромная и неизменная оригинальность мысли сочеталась у него с инструментарием и информацией, приобретенными за двадцать лет до того. В результате его поиски бросают читателю вызов совершить собственный творческий синтез, объединив прозрения Грегори с информацией и инструментами, доступными сегодня: с достижениями когнитивных наук, молекулярной биологии и теории систем. Не забывая, тем не менее, что они по-прежнему подвержены тем видам путаницы и интеллектуальной вульгарности, от которых предостерегал Грегори.

Совершенно невозможно, чтобы я смогла привести эту рукопись в тот вид, в каком ее хотел видеть Грегори, причем до некоторой степени я сомневаюсь, что это смог бы сделать он сам или мы вместе. К моменту его смерти то, чего он хотел, по-прежнему не обрело формы, мысль не была завершена. Однако, хотя идеи и не достигли полного развития, они, несомненно, неявно присутствовали в самом процессе роста. Также несомненно то, что огромную ценность имеют вопросы Грегори, а также сам по себе способ постановки вопросов.

Осенью 1978 года, живя в Эсалене после завершения книги «Разум и природа», Грегори написал несколько стихотворений, одно из которых, как мне кажется, выражает то, что он попытался сделать в только что завершенной работе, и, возможно, его устремления в отношении предстоящей работы.

Рукопись

Здесь есть лишь слова

Точные слова

Пытаться читать между строк бесполезно

Там ничего нет

Я прошу лишь соблюдать правила

Не больше и не меньше

Мне не нужны ни реальный мир
Ни воображаемый
А только точность —
Костяк истины
Я не играю с эмоциями
Ни на что не намекаю
Не бужу призраков давно забытых верований
Все это я оставлю проповедникам
Гипнотизерам, лекарям и миссионерам
Которые придут за мной
И сделают из моих слов
Приманку для ловушек
На тех, кто не может выдержать
Одинокий
Костяк

Истины[5 - В оригинале: The Manuscript - So there it is in words
Precise
And if you read
between the lines
You will find nothing there
For that is the discipline I ask
Not more, not
less
Not the world as it is
Nor ought to be —
Only the precision
The skeleton of truth
I do
not dabble in emotion
Hint at implications
Evoke the ghosts of old forgotten creeds
All
that is for the preacher
The hypnotist, therapist and missionary
They will come after
me
And use the little that I said
To bait more traps
For those who cannot bear
The
lonely
Skeleton
of Truth.].

Поскольку рукопись Грегори еще не отвечала подобному идеалу, я не могла читать ее так, как предписывает это стихотворение. Я не могла не читать между строк; более того – часто это был единственный способ продвинуться. В металогах я также часто намеренно допускала эмоции и обращение к воспоминаниям. В действительности собственный язык Грегори часто бывал весьма образным. Он стремился к достижению формализма, однако пока он шел на ощупь и пробовал варианты, он часто полагался на менее строгие формы

дискурса.

Это стихотворение важно не только тем, что декларирует метод и стиль, но также тем, что указывает на контекст, помогающий понять его содержание. В этом стихотворении Грегори выражает подлинную озабоченность и раздражение. Очень многие люди, поняв, что Грегори критически относится к определенным видам материализма, хотели видеть в нем выразителя мнений противоположной группы, группы, одобряющей интерес к вещам, отвергаемым атомистическим материализмом: Богу, духам, экстрасенсорному восприятию и прочим «призракам давно забытых верований». Положение Грегори всегда было сложным: он говорил своим коллегам по науке, что из-за методологических и эпистемологических предпосылок, веками стоящих в центре западной науки, они неспособны уделить внимание вопросам чрезвычайной важности. Затем он оборачивался и говорил своим самым преданным последователям, верившим, что они говорят о тех самых вопросах чрезвычайной важности, что их способ изъясняться – полная чушь.

С точки зрения Грегори, ни одна группа не могла рассуждать здраво, поскольку об этих вещах нельзя сказать ничего здравого в условиях декартовского разделения разума и материи, ставшего привычным для западного мышления. Снова и снова он отвергал этот дуализм: разум не может существовать без материи, материя без разума существовать может, но для нас недостижима. Трансцендентное божество невозможно. Грегори продолжал обращаться к обеим сторонам свойственного нашей культуре дуализма. Он, несомненно, хотел призвать их к принятию монизма, к единому видению мира, позволяющему как научную строгость, так и систематическое внимание к вопросам, которые ученые часто исключают из рассмотрения.

Как заявляет Грегори в своем стихотворении, он воспринимал свои умопостроения как несущую структуру, нечто вроде скелета. В этом притязании есть две стороны: во-первых, это заявка на формализм и строгость; во-вторых, это притязание на работу с фундаментальными принципами, направляющими нарастающую детализацию природных явлений. Однако он стремился описать не иссохшие кости, а функционирующий каркас жизни в самом широком смысле, жизни, включающей всю живую планету в эволюционной перспективе.

Пытаясь переосмыслить эти вопросы, Грегори пришел к стратегии переопределения. Он брал слова, относящиеся к вещам, которые нематериалисты считают важными, а ученые считают недоступными для

изучения, – такие как «любовь», «мудрость», «разум» или «священное» – и переопределял их, привлекая концептуальные инструменты кибернетики. В его текстах грозные технические термины стоят рядом с обычными словами, однако эти менее пугающие слова часто переопределены необычным образом. (В конце книги дается Глоссарий.)

Это неизбежно навлекло на него критику с разных сторон:

- критику со стороны приверженцев традиционных научных взглядов, считающих эти термины бессмысленными и недопустимыми в научном дискурсе;
- критику со стороны религиозных и философских ортодоксов, утверждающих, что эти термины и так имеют хороший устоявшийся смысл, который Грегори неспособен понимать и уважать;
- критику со стороны тех, кто считает, что определение термина необычным (идиосинкразическим) образом или его необычное использование – это нечестный риторический прием вроде того, в котором кэрролловская Алиса обвиняла яйцеобразного Шалтая-Болтая, обитателя Зазеркалья.

Фактически Грегори попытался сделать с такими словами, как «разум» или «любовь», то же, что физики сделали с такими словами, как «сила», «энергия» или «масса», невзирая на то, что непосредственное соседство строгого определения и расплывчатого общеупотребительного использования может стать постоянным источником проблем. Это – уловка педагога, рассчитывающего, что переопределенный термин будет одновременно и запоминающимся, и обоснованным; будет применим и для общего употребления, и для важных вопросов. Но самым важным для Грегори было то, что в его версии такие слова, как «разум», должны нести точный смысл и быть способны сосуществовать с математическим формализмом.

Центральной темой книги «Разум и природа» является взгляд на эволюцию как на ментальный процесс. Это – компактное выражение утверждения, что эволюция системна и что эволюционный процесс имеет ключевые характеристики, сходные с другими системными процессами, включая мышление. Совокупность этих характеристик дала Грегори его собственное

определение для таких слов, как «ментальный» и «разум», фактически табуированных в научном дискурсе. Это позволило ему подчеркнуть в мышлении и эволюции самое интересное для него, а именно, что они аналогичны в важном смысле. Они имеют общий «связующий паттерн», поэтому рассмотрение их сходства ведет к важным прозрениям в отношении и одного, и другого. Особенно это касается того, что оба они допускают что-то вроде предвидения или целенаправленности. Выбор такого богатого ассоциациями слова, как «разум», неслучаен, он напоминает читателю обо всем объеме вопросов, стоявших за этим словом в прошлом, и о недаром кипевших вокруг них страстях.

Сходным образом Грегори нашел площадку для разговора о «Боге» где-то посередине между теми, кто считает это слово непригодным для употребления, и теми, кто использует его слишком часто, защищая позиции, которые Грегори считал несостоятельными. В шутку он предложил назвать божество новым именем «Эко», однако он был совершенно серьезен в поисках понимания родственного, однако более общего термина «священное», осторожно и осмотрительно продвигаясь на святую землю, «куда страшатся вступить и ангелы». Собрав наше знание о биологическом мире (Грегори называл это знание «экология», подвергая этот термин глубокой кибернетической ревизии), а также доступное нам понимание «знания» (Грегори называл его «эпистемология», снова в кибернетической перспективе), он пытался выяснить, что люди имеют в виду под «священным». Возможно ли, что концепция священного отсылает к вещам, внутренне присущим любому описанию, а потому должна рассматриваться как «необходимость»? Если удастся внести в этот вопрос ясность, приведет ли это к новым важным прозрениям? Кажется вполне возможным, что форма знания, приписывающая определенную священность организации биологического мира, может в некотором важном смысле быть более точной и более подходящей для принятия практических решений.

Грегори ясно указывал, что вопросы, обсуждавшиеся в «Разуме и природе» (то есть различные подходы к биологическому миру и мышлению), являются необходимой подготовкой к задаче, стоящей перед данной книгой, хотя здесь они не присутствуют в полном объеме. В данной книге он подходил к ряду вопросов, неявно присутствовавших в его работе в течение очень долгого времени, и которые он постоянно гнал от себя. Это не только вопрос «священного», но также вопросы «эстетики» и «сознания».

Грегори считал, что эту группу вопросов необходимо рассмотреть на пути к теории действий в живом мире, к кибернетической этике. И именно к этой ноте я

главным образом прислушивалась, работая с этими черновиками. Представляя, что книга уже завершена, Грегори писал: «По-прежнему остается необходимость изучить полученные результаты и выразить в словах природу их музыки». Это по-прежнему актуально, и можно попробовать это сделать. Неявное ждет своего открытия, подобно еще не сформулированной геометрической теореме, скрытой в аксиомах. Или, возможно, скрытой между строк? Ведь Грегори не хватило времени завершить свои слова.

1/2. Постановка задачи (ГБ)

Фактически написание этой книги было исследованием, пошаговым продвижением в направлении предмета, очертания которого открывались лишь постепенно по мере роста логической связности и разрешения противоречий.

Проще сказать, что не является предметом этой книги, чем определить искомую гармонию. Эта книга не о психологии, не об экономике и не о социологии, разве лишь в той степени, в какой эти науки являются переходными областями внутри бо?льшей совокупности знания. Она не вполне об экологии или антропологии. Существует более широкий предмет, называемый «эпистемология», выходящий за границы прочих. И мне кажется, что когда я прикоснулся к факту антропологической и экологической упорядоченности, я увидел проблеск знания более высокого порядка (уровня), чем уровень любой из этих дисциплин.

Таким образом, эта книга – сравнительное исследование вопросов, возникающих из антропологии и изучения локальных (узко местных) эпистемологий. Как антропологи мы изучаем этические системы отдельных групп, а затем переходим к изучению сравнительной этики. Мы пытаемся рассмотреть частные, локальные этические системы конкретных племен на фоне нашего знания о других этических системах. Сходным образом возможно – и это даже входит в моду – изучить эпистемологии разных народов, структуры знания и пути обработки данных. От исследований такого рода вполне естественно перейти к сравнению эпистемологий, неявно содержащихся в разных культурных системах.

Однако что можно открыть, сопоставляя сравнительную этику и сравнительную эпистемологию? И если их обе соединить с экономикой? И все это сравнить с

морфогенезом и сравнительной анатомией?

Такое сравнение неизбежно вернет исследователя к базисным характеристикам вопроса. Ему придется принять решение относительно универсального минимума, образующего зону пересечения этих областей исследований. Этот минимум не является частью ни одной из этих областей, он не является частью даже науки о поведении. Он является частью необходимости, если вам угодно. Отчасти в него входит то, что Блаженный Августин назвал Вечными истинами, отчасти, возможно, то, что Карл Юнг назвал архетипами. Эти фундаментальные принципы, которые должны лежать в основе всего нашего мышления, обсуждаются в следующей главе.

Разумеется, и антропологу, и эпистемологу, и психологу, и историку, и экономисту придется встретиться, каждому в своей области деятельности, с каждой из этих Вечных истин. Однако эти истины не являются предметом какой-либо конкретной области знаний, и их обычно замалчивают и избегают при помощи концентрации внимания на проблемах, характерных для каждой специализированной области.

В прошлом многие, знавшие об этих высших уровнях порядка, организации и разума, включая и Блаженного Августина, пытались поделиться своими открытиями с потомками. Это породило обширную литературу. В частности, каждая из великих религий создала тексты, иногда проясняющие эти вопросы, а иногда еще больше их запутывающие.

В дальнейшем много подобных усилий было предпринято в исторически уникальном контексте науки, однако интеллектуальная озабоченность количественной стороной вопроса, искусственными обстоятельствами эксперимента и декартовским дуализмом сообща сделали эти вещи еще более труднопостижимыми, чем они были раньше. Наука права в своей нетерпимости к мутным определениям и путаной логической типизации, однако пытаюсь избежать этих опасностей, она пресекла обсуждение вопросов первостепенной важности.

К сожалению, туман в голове и впрямь помог роду людскому прийти к «Богу». В любой современной христианской, буддистской или индуистской проповеди вы можете услышать, как вера, созданная мистиками, восхваляется и предлагается по причинам, от которых у любого, кто не находится под гипнозом или дозой наркотика, должны встать волосы дыбом. Нет сомнений, что обсуждать высшие

уровни порядка на членораздельном языке нелегко, особенно тем, кто не обучен точному словоупотреблению. Поэтому их можно простить, если они ищут убежища в избитой фразе: «Кто говорит – не знает, кто знает – не говорит». Если бы эта фраза была верна, из этого бы вытекало, что обширная и часто прекрасная мистическая литература индуизма, буддизма, даосизма и христианства была написана людьми, не понимающими, что они пишут.

Как бы то ни было, я не претендую на оригинальность, а лишь на своевременность. Нет ничего неправильного в том, чтобы сделать вклад в эту обширную литературу и сегодня. Я претендую не на уникальность, а на членство в небольшой группе веривших в то, что есть сильные и ясные аргументы в пользу необходимости священного; и эти аргументы основываются на эпистемологии, коренящейся в усовершенствованной науке и в очевидности. Я верю, что эти аргументы важны для нашего времени повального скептицизма, более того – что они важны не меньше, чем свидетельства тех, чья религиозная вера основана на «внутреннем свете» и «космическом опыте». И действительно, прочная вера Эйнштейна или Уайтхеда стоит тысячи лицемерных заявлений традиционных проповедников.

Для средневековых богословов было характерно стремление к строгости и точности, сегодня характерное только для лучших из наук. В XIII веке «Сумма теологии» (Summa theologiae; Aquinas, 1265–1274) святого Фомы Аквинского была эквивалентом сегодняшних учебников кибернетики. Святой Фома подразделяет все сотворенные вещи на четыре класса:

- a) те, которые просто есть – как камни;
- b) те, которые есть и живут – как растения;
- c) те, которые есть, живут и способны перемещаться – как животные; и
- d) те, которые есть, живут, способны перемещаться и мыслят – как люди.

Он не знал кибернетики и в отличие от Блаженного Августина не был математиком, однако мы можем сразу различить здесь прообраз классификации

сущностей, основанной на числе логических типов адаптационных контуров, характеризующихся рекурсивностью и самокоррекцией.

Определение святым Фомой смертного греха отмечено той же скрытой утонченностью. Грех считается «смертным», если его совершение способствует последующему совершению того же греха другими людьми «действуя наподобие [аристотелевской. – Примеч. пер.] “конечной причины”». (Хочу отметить, что, согласно данному определению, участие в гонке вооружений не просто грех, а грех смертный.) Фактически загадочные «конечные причины» в интерпретации святого Фомы в точности соответствуют тому, что современная кибернетика называет положительной обратной связью, дающей первое приближение к проблеме целенаправленности и причинности [особенно тогда, когда кажется, что причинно-следственные цепи идут против хода времени].

Как кажется, в дальнейшем богословие было во многих отношениях менее утонченным, чем богословие XIII века. Дело выглядит так, словно мысль Декарта (1596–1650), особенно дуализм разума и материи, знаменитая декларация «когито эрго сум» и декартовы координаты стали кульминацией долгого упадка. Греческая вера в «конечные причины» была грубой и примитивной, однако она оставляла открытым путь к монистическому видению мира. В последующие века этот путь был закрыт и окончательно похоронен дуалистическим разделением разума и материи [из-за которого многие важные и загадочные феномены оказались словно бы вне материального мира, пригодного для научного изучения. Разум остался отделенным от тела, Бог остался вне творения, а научная мысль игнорировала обоих].

Преодоление картезианского дуализма далось мне нелегко. Читателя может позабавить рассказ о том, как я пришел к варианту монизма: к убеждению, что разум и природа образуют неизбежное единство, в котором нет ни разума, отдельного от тела, ни бога, отдельного от своего творения. После этого я научился смотреть на объединенный мир новыми глазами, совсем не так, как меня учили его видеть, когда я только начинал работу. Тогда правила были кристально ясными: при научном объяснении нельзя упоминать разум или богов, а также нельзя привлекать аристотелевские «конечные причины». Все причинно-следственные цепи должны разворачиваться в направлении хода времени, то есть будущее не должно влиять на настоящее или прошлое. В мире, подлежащем объяснению, нет места ни богам, ни телеологии, ни разуму.

Эта простая и суровая вера стала стандартом для той биологии, которая доминировала на протяжении 150 лет. Этот частный вид материализма развился в фанатизм после публикации Уильямом Пэйли его «Обзора свидетельств в пользу христианства» (Paley, 1794), что случилось за 15 лет до «Философии зоологии» Ламарка и за 65 лет до «Происхождения видов» Дарвина. Упоминание «разума», «телеологии» или «наследования приобретенных признаков» считалось в биологических кругах ересью до начала 40-х годов XX века. Я рад, что хорошо выучил этот урок.

Настолько хорошо, что даже написал антропологическую книгу «Нейвен» (Bateson, 1936) в ортодоксальном антитеологическом духе. Однако следование жестким предпосылкам в результате продемонстрировало их неадекватность. Стало ясно, что при таких предпосылках культура не смогла бы стать стабильной и вошла бы в процесс нарастающих изменений вплоть до своего разрушения. Это нарастание я назвал схизмогенез (schismogenesis) и выделил две основные формы, которые он может принимать, однако в 1936 году я не смог увидеть подлинных причин, по которым культуры живут так долго [не понял, что они могут включать в себя механизмы самокоррекции, предвидящие опасность]. Подобно ранним марксистам, я считал, что нарастающие изменения всегда должны вести к кульминации и разрушению status quo.

Когда на знаменитых Конференциях Мейси[6 - Последовательность из 10 конференций (1946–1953, США), на которых были созданы теоретические основы кибернетики и теории информации. Названы по имени спонсора-филантропа Джосайи Мейси. – Примеч. пер.] Норберт Винер, Уоррен Мак-Каллок и другие предложили кибернетическую эпистемологию, я был к этому готов. Поскольку идея положительной обратной связи у меня уже была (я назвал ее «схизмогенез»), идеи саморегуляции и отрицательной обратной связи немедленно встали у меня на место. Парадоксы целенаправленности и аристотелевских «конечных причин» были мной уже наполовину разрешены, я также понимал, что их окончательное разрешение потребует выхода за границы предпосылок, лежавших в основе моего образования.

Помимо этого, я ездил на кибернетические конференции с еще одной идеей, которую разработал во время Второй мировой войны и которая полностью соответствовала центральной структурной идее кибернетики. Это было то, что я назвал вторичное обучение (deutero-learning), или обучение обучаться[7 - Social Planning and the Concept of Deutero-Learning // SEM, 1972 (см.: Социальное планирование и концепция вторичного обучения // Бейтсон Г. Шаги в

направлении экологии разума. М.: УРСС, 2005).].

Я пришел к пониманию, что «обучение обучаться», «обучение ожидать встретить определенный контекст для адаптивных действий и справляться с ним» и «изменение характера под влиянием опыта» – это три синонима для единого семейства феноменов, которое я обозначил термином вторичное обучение. Это было первым отображением поведенческих феноменов на структуру, тесно связанную с расселовской иерархией логических типов. Как и идея схизмогенеза, эта идея легко встроилась в кибернетику 1940-х. [В книге Рассела и Уайтхеда «Начала математики» (Russell, Whitehead, 1910–13) предлагается систематический способ обращения с логическими иерархиями, такими как отношения между членом и классом, в который он входит, классом классов и т. д. Применение этих идей к поведению заложило основу для размышлений о том, каким образом при обучении опыт обобщается на некоторый класс контекстов; каким образом некоторые сообщения модифицируют значение других сообщений, относя их к тому или иному классу.]

Значение этих формальных правил стало мне еще яснее в 1960 году, когда юнгианский терапевт Джейн Уилрайт (Wheelwright) дала мне сочинение Карла Юнга «Семь наставлений мертвым» (Jung, 1916; 1966). В это время я готовился к выступлению на конференции в память А. Коржибского [8 - Form, Substance and Difference // SEM, 1972. (см.: Форма, вещество и различие // Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. М.: УРСС, 2005).] и начал думать об отношениях между «картой» и «территорией». Книга Юнга акцентировала контраст между Плеромой — грубым физическим миром, управляемым только силами и импульсами, и Креатурой — миром Творения, управляемым отличительными признаками и различиями. Мне стало совершенно ясно, что две эти концепции согласуются и что в Плероме карт нет, они могут быть только в Креатуре. То, что переходит с территории на карту – это сведения о различии. В этот момент я осознал, что сведения о различии – это синоним информации.

Далее осознание роли различия соединилось с ясным пониманием, что Креатура организована, с одной стороны, в круговые причинно-следственные цепи (подобные тем, что изучает кибернетика), а с другой – в иерархию уровней различных логических типов. Это породило ряд идей, позволивших систематически размышлять о ментальном процессе как о чем-то отличном от каких-либо простых физических или механических последовательностей, но при этом не используя декартовское представление о двух отдельных «сущностях». В моей книге «Разум и природа: неизбежное единство» эти идеи соединяются с

утверждением, что ментальный процесс и биологическая эволюция неизбежно имеют сходные черты, характерные для Креатуры.

Загадки, осаждавшие биологию в докибернетическую эпоху, в целом больше не столь загадочны, хотя сделать еще предстоит многое. Теперь у нас есть представление об общей природе информации, целенаправленности, стохастических процессов, мышления и эволюции. Остается проработать детали частных случаев.

На месте прежних загадок возникла новая группа проблем. В этой книге я пытаюсь обрисовать некоторые из них [в частности, разобраться, как при недуалистическом видении мира возникает новая концепция священного]. Книга пытается показать читателю новые проблемы и, возможно, дать им некоторое определение. Дальше этого я идти не планирую. На решение проблемы, поставленной Аристотелем и усугубленной Декартом, у мира ушло 2500 лет. Новые проблемы не кажутся проще старых, и моим коллегам по науке, вероятно, придется посвятить им долгие годы работы.

Название этой книги содержит в себе предупреждение. Создается впечатление, что любой важный научный прорыв предоставляет инструменты, которые кажутся именно тем, чего ждали прикладники и инженеры, и обычно эти господа берутся за дело без колебаний. Их благонамеренные (однако торопливые и не всегда бескорыстные) усилия обычно приносят столько же вреда, сколько и пользы. В лучшем случае они обнажают следующий уровень проблем, который нужно понять, пока прикладники не наделали серьезного вреда. За любым научным прорывом всегда стоит некая матрица, рудная жила неизвестного, из которой были вырублены частичные ответы. Однако нам говорят, что этот голодный, перенаселенный, больной, честолюбивый и соперничающий мир не может ждать, пока станет известно больше, а должен очертя голову броситься туда, куда страшатся вступать и ангелы.

Мне не нравятся такие аргументы от «нужд мира». Я замечал, что ходатаям таких нужд очень хорошо платят. Я не доверяю заявлениям ученых-прикладников, что их работа полезна и необходима. Я подозреваю, что их деятельный энтузиазм, их рвение – это не просто симптомы нетерпения, авантюризма или тщеславия. Я подозреваю, что за ними кроется глубокая эпистемологическая паника.

2. Мир ментального процесса (ГБ)

Перед тем как двинуться дальше, я хочу подробнее остановиться на контрасте, проведенном Карлом Густавом Юнгом[9 - В «Семи наставлениях мертвым». В последующих работах, например в «Ответе Иову», Юнг пользуется этими терминами так, словно относит свои архетипы к Плероме. Возможно, такое использование лучше согласуется с классической и средневековой мыслью, но мне кажется, что его ранняя манера выражаться дает более ясную основу для эпистемологии.] между Плеромой и Креатурой. Это даст нам альтернативную исходную точку для построения эпистемологии, гораздо более здравую, нежели отделение разума от материи, приписываемое Рене Декарту. Вместо старого картезианского дуализма, рассматривающего разум и материю как особые, отдельные сущности (субстанции), я хочу поговорить о природе ментального процесса, или мысли в самом широком смысле слова, а также об отношениях между «мыслью» и материальным миром.

Я собираюсь включить в категорию ментального процесса ряд феноменов, которые большинство людей не считают процессами мышления. Например, я собираюсь включить туда те процессы, посредством которых мы с вами получили свое анатомическое строение: команды, фальстарты, самокорректировки, пассивное следование обстоятельствам и т. д., которые стоят за дифференциацией и развитием эмбриона. Для меня эмбриональное развитие – это ментальный процесс. Я также собираюсь включить туда еще более загадочные процессы, благодаря которым получается так, что формальные соотношения, характерные для нашей анатомии, наблюдаются и у человекообразной обезьяны, и у лошади, и у кита. Зоологи называют их гомологии. Тем самым вместе с эмбриональным развитием я включу в термин «ментальный процесс» и эволюцию.

Наряду с этими крупными разделами – биологической эволюцией и эмбриональным развитием – я собираюсь включить все те меньшие обмены информацией и директивами, происходящие как внутри, так и между организмами, которые в совокупности и называются жизнь.

Фактически везде, где суть наших объяснений сводится к информации (или сравнению), там, с моей точки зрения, присутствует ментальный процесс. Информацию можно определить как небезразличное различие (difference that makes a difference)[10 - Подробнее о переводе терминов Бейтсона см.

Предисловие переводчика // Бейтсон Г. Разум и природа: Неизбежное единство. М.: УРСС, 2016.]. Концевой орган восприятия – это сравнивающее устройство (компаратор), прибор, реагирующий на различие. Разумеется, наши концевые органы восприятия материальны, однако именно эта чувствительность к различию дает основание видеть в их функционировании нечто «ментальное». Сходным образом типографская краска на данной странице материальна, однако в самой краске моих мыслей не найти. Даже на самом элементарном уровне краска не является сигналом или сообщением. Сигналом является различие между краской и бумагой.

Разумеется, верно, что наши объяснения и наши книги о неживой материи полны информации. Однако эта информация полностью принадлежит нам, это часть нашего жизненного процесса. Плерома, мир неживой материи, который мы описываем законами физики и химии, сама по себе не содержит никаких описаний. Камень не реагирует на информацию и не использует для поддержания своей внутренней организации директив, информации или метода проб и ошибок[11 - Традиционное название «метод проб и ошибок» может создать ошибочное впечатление, что совершение ошибок является чуть ли не целью метода. Было бы правильнее говорить о «методе проб и коррекций», или еще лучше о «методе движения к успеху посредством совершения пробных действий, получения реакции, внесения коррекций и совершения новых пробных действий». Это циклический процесс, охваченный отрицательной обратной связью. – Примеч. пер.]. Чтобы реакцию можно было считать поведением, камню пришлось бы использовать свою внутреннюю энергию, как это делают организмы. Но тогда он перестал бы быть камнем. Камень подвержен воздействию «сил» и «импульсов», но не различий.

Я могу описать камень, но он не может описать ничего. Я могу использовать камень как сигнал, например как пограничный знак. Но само это не?что не знает ни о каких границах.

Я могу дать камню имя, я могу отличить его от других камней. Но само это не?что не знает никаких имен и ничего не различает.

Оно не использует и не хранит никакой информации.

«Не?что» не является даже этим не?что, если только я не различаю его на фоне всей остальной неодушевленной материи.

Что бы ни происходило с камнем и что бы он ни делал, это не становится частью ментального процесса ни одного живого существа, если рядом никого нет. Поскольку для этого потребовалось бы создавать и получать сведения.

Нужно понимать, что хотя в Плероме нет мысли или информации, она тем не менее содержит или служит матрицей для многих других видов закономерностей. Такие закономерности, как инертность, причинно-следственность, связность и несвязность и т. д., имманентны (за неимением лучшего слова) Плероме. Хотя их можно перевести (снова за неимением лучшего слова) на язык Креатуры, где только и может существовать язык, материальный мир остается недоступным, остается кантовской Ding an sich, «вещью в себе», до которой невозможно дотянуться. Мы можем строить догадки, однако будь они хоть осторожными, хоть смелыми, при окончательном анализе становится ясно, что все, что мы можем сказать о Плероме, – это лишь умозрительные построения, и такие мистики, как Уильям Блейк, откровенно отрицали ее существование[12 - Ускользящая природа Плеромы связана, вероятно, с тем, что помыслить Плерому – значит помыслить несуществование мышления. Что по понятным причинам для нас трудновыполнимо. – Примеч. пер.].

Мы станем использовать юнговский термин Плерома как обозначение того неживого мира, который описывается физикой и который сам по себе не содержит и не делает разграничений. Однако мы, разумеется, должны делать разграничения при нашем описании этого мира.

Напротив, мы станем использовать термин Креатура для обозначения той сферы объясняемого, в которой сами описываемые феномены управляются и определяются различиями, отличиями и информацией.

Хотя в этой дихотомии Плеромы и Креатуры можно усмотреть дуализм, важно ясно понимать, что они никоим образом не разделены и не делимы, разве только как разные уровни описания. С одной стороны, весь мир Креатуры существует внутри и при посредстве Плеромы, при этом использование термина Креатура утверждает существование определенных организационных и коммуникативных характеристик, которые сами по себе не материальны. С другой стороны, знание о Плероме существует только в Креатуре. Мы можем встретить их только в сочетании, и никогда отдельно. Законы физики и химии в полной мере относятся к миру Креатуры, они продолжают действовать, однако недостаточны для объяснения. Таким образом, Плерома и Креатура не есть отдельные сущности (субстанции), как «разум» и «материя» у Декарта. Для

возникновения ментального процесса требуется упорядочение материи, создание областей, где Плерома имеет характерную организацию, позволяющую ей откликаться как на физические события, так и на информацию.

Далее, от понятия ментального процесса можно перейти к вопросу о «разуме». Если это понятие окажется полезным, можно ли далее говорить о «разумах», способных вступать во взаимодействия, в свою очередь характеризующиеся ментальностью? Определение понятия «разум» было одной из главных тем моей книги «Разум и природа», где был предложен ряд критериев для опознавания «разума». Пункты этого определения прочно привязывают понятие разума к организации материальных компонентов:

Разум есть совокупность взаимодействующих частей или компонентов.

Взаимодействие между частями разума инициируется различием.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Даблбайнд (double bind) – наиболее известное терминологическое нововведение Г. Бейтсона, давно превратившееся в международный термин, не нуждающийся в переводе. Например, в популярной в нашей стране книге Делёза и Гваттари «Анти-Эдип» (фр. изд.: 1972; рус. изд.: У-Фактория, Екатеринбург, 2008, перевод с французского Д. Кралечкина) выражение «double bind» встречается более десяти раз. Нередко можно встретить выражение «double bind» и в текстах известного кибернетически ориентированного социолога Никласа Лумана, пишущего по-немецки.

В России (как и во Франции) какое-то время предпринимались попытки найти национальный эквивалент этого термина, представляющего из себя труднопереводимую игру слов. Так, у нас предлагались варианты «двойная связь», «двойной захват», «двойной тупик», «двойное послание» и т. п. В конечном счете все эти варианты были признаны неадекватными и стала ясна необходимость пойти по общеевропейскому пути: принять выражение «даблбайнд» в русский язык как международный термин.

Термин «даблбайнд» возник в теории коммуникации под влиянием «теории логических типов» Б. Рассела. Применительно к шизофрении Бейтсон и коллеги обозначали им коммуникативную ситуацию с неясной логической типизацией, когда «жертва даблбайнда» не может ни внести ясность в ситуацию, ни вырваться из нее.

Более подробное обсуждение вопроса можно найти по ссылке: <https://double-bind.livejournal.com/19716.html>.

2

Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник. Вильям Шекспир. Избранные произведения. М.; Л., 1950. В оригинале:

Full fathom five thy father lies;

Of his bones are coral made;

Those are pearls that were his eyes:

Nothing of him that doth fade,

But doth suffer a sea-change

Into something rich and strange.

Sea-nymphs hourly ring his knell:

Ding-dong.

Hark! now I hear them, – Ding-dong, bell.

3

Парафраз английского афоризма «Fools rush in where angels fear to tread», то есть «Дураки очертя голову бросаются туда, куда страшатся вступать и ангелы». – Примеч. пер.

4

Примерно тем же способом проверяется при продаже дорогая посуда. – Примеч. пер.

5

В оригинале:

The Manuscript

So there it is in words

Precise

And if you read between the lines

You will find nothing there

For that is the discipline I ask

Not more, not less

Not the world as it is

Nor ought to be —
Only the precision
The skeleton of truth
I do not dabble in emotion
Hint at implications
Evoke the ghosts of old forgotten creeds
All that is for the preacher
The hypnotist, therapist and missionary
They will come after me
And use the little that I said
To bait more traps
For those who cannot bear
The lonely
Skeleton
of Truth.

6

Последовательность из 10 конференций (1946–1953, США), на которых были созданы теоретические основы кибернетики и теории информации. Названы по имени спонсора-филантропа Джосайи Мейси. – Примеч. пер.

7

Social Planning and the Concept of Deutero-Learning // SEM, 1972 (см.: Социальное планирование и концепция вторичного обучения // Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. М.: УРСС, 2005).

8

Form, Substance and Difference // SEM, 1972. (см.: Форма, вещество и различие // Бейтсон Г. Шаги в направлении экологии разума. М.: УРСС, 2005).

9

В «Семи наставлениях мертвым». В последующих работах, например в «Ответе Иову», Юнг пользуется этими терминами так, словно относит свои архетипы к Плероме. Возможно, такое использование лучше согласуется с классической и средневековой мыслью, но мне кажется, что его ранняя манера выразиться дает более ясную основу для эпистемологии.

10

Подробнее о переводе терминов Бейтсона см. Предисловие переводчика // Бейтсон Г. Разум и природа: Неизбежное единство. М.: УРСС, 2016.

11

Традиционное название «метод проб и ошибок» может создать ошибочное впечатление, что совершение ошибок является чуть ли не целью метода. Было бы правильнее говорить о «методе проб и коррекций», или еще лучше о «методе

движения к успеху посредством совершения пробных действий, получения реакции, внесения коррекций и совершения новых пробных действий». Это циклический процесс, охваченный отрицательной обратной связью. – Примеч. пер.

12

Ускользящая природа Плеромы связана, вероятно, с тем, что помыслить Плерому – значит помыслить несуществование мышления. Что по понятным причинам для нас трудновыполнимо. – Примеч. пер.

Купить: https://tellnovel.com/ru/beytson_gregori/angely-strashatsya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)